

123.
E i n l a d u n g

zur

öffentlichen Prüfung und feierlichen Entlassung

im

hiesigen Gymnasium

am 8ten und 9ten Julius

und

zu den öffentlichen Prüfungen

in der Domschule

am 10ten Julius,

in der zweiten und der russischen Kreisschule

am 11ten Julius.

Vorausgeschickt ist:

РОССІЯ ПОДЪ ИГОМЪ ТАТАРЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА,

составленная

А. БЕРНГОФОМЪ,

Старшимъ Учицелемъ Россійскаго языка и Словесности.

R i g a,

gedruckt bei Wilhelm Ferdinand Häcker.

1830.

ESTICA

A. 1951.

Der Druck wird unter den gesetzlichen Bestimmungen gestattet.
Dorpat, den 11. Junius 1830.
(L.S.)

Dr. Friedrich Erdmann,
Censor.

ESTICA

A-1957.

TRD Gesamtwerk

3271

Представимъ себѣ пылаго юношу, изнуреннаго недугами пѣлесными и душевными, закованнаго въ шаякія вериги, лишеннаго всякой надежды на скорое избавленіе ошѣ спраданій, — и мы будемъ имѣшь довольно почное понятіе о Россіи, подпавшей подѣ власшь Монголовѣ.

Воинспвенные дикари вшоргаюшся въ край неизмѣримый; люди набожные видяшѣ въ нихѣ орудіе Небеснаго гнѣва, казнь Божію, подобную шой, кошорая древле посшигла разврапныхѣ современниковѣ Ноя и Лоша ¹⁾). Однако Славянинѣ не агнецѣ беззащитный; не безропошно склоняешѣ онѣ выю подѣ сѣкиру убійцы, подѣ ярмо ушѣснишеля: не легко поддается и Ташарину. Такѣ! орудіе гремишѣ: и въ полѣ и на швердьяныхѣ сверкаюшѣ булашныя мечи и бердыши, взвиваюшся мѣшкія спрѣлы. — Но можешѣ ли слабый оплошѣ удержашѣ спремленіе развѣреннаго пошока? можешѣ ли дружина великодушныхѣ одолѣшь несмѣшныя сонмища?

Вихорь развѣялѣ пепелѣ Рязани; прогремѣлѣ боевой гулѣ на Сиши; засшыла кровь на спогнахѣ злаго града ²⁾); замерли споны умирающихѣ во взяшомѣ на копье Кіевѣ ... Россія преврашилась въ обширное пожараще, въ грудѣ развалинѣ и костей челѣвческихѣ; уцѣлѣли шолько берега шумнаго Волхова, свѣшлоспрушной Великой; безмолвіе смерши или неволи воцарилось шамѣ, гдѣ дошолѣ кипѣла жизнь, волновались неис-

1) Софійскій Временникѣ. Ч. 1. стр. 260.

2) Козельска. См. Исп. Гос. Рос. Т. III. стр. 288. Тамошній Князь, по преданію, ушонулѣ въ ирови.

шovesн сшрасши, гдѣ воздухѣ оглашался веселыми, хопя и буйными кликами свободы. Свершилось! Русь ушрапила независимосшь, высочайшее благо народовѣ.

Мало по малу изглаживающяся слѣды опустошенія: пажити, попопшанныя Тапарскими конями, упипанныя кровію, ярче и роскошнѣе прежняго зеленѣющя муравою, песшрѣющя цвѣшями; разбѣжавшіеся жипели собирающя; возспающѣ изв пепла города и села; всюду движеніе и шумная дѣшельносшь. — Пахарь обычно бороздитѣ родимое поле и за раломѣ поешѣ звонкія пѣсни; подѣ хоругвию Княжескою спрошся храбрые, пышущѣ решивые кони. Но опѣ веселія ли поешѣ мирный поселянинѣ? Нѣшѣ! звучными напѣвами, восшоминаніяи о любезной спаринѣ, онѣ силшся размыкашь горе, разогнашь злодѣйку-шоску. — Опѣ бранной ли жажды, опѣ нешерпѣнія ли мужесшва волнуешся широкая грудь спашнаго вошшеля? Нѣшѣ! глубокіе вздохи воздымающѣ ее. Селянинѣ вѣ потѣ лица работаешѣ не на себя, не на семью: плодами его шрудолубія богашѣющѣ ненависшныи иноплеменники; рашникѣ идешѣ проливашь кровь, свою и чуждую, не за ошечесшво, не за Князя: невольникомѣ дикарей спремшся онѣ вѣ сѣчу.

Вѣ первые годы рабсшва Россіяне извѣвляли рѣдкое великодущіе; но доблесшь не успояла среди бѣдсшвій: она смѣнилась низкими пороками шѣмѣ скорѣе, чшо сердца уже закалены были неусшройсшвами и кровопролишяи Удѣльной Сисшемы, чшо невѣжесшво глубоко пушшило корень вѣ полшора сполѣшя, предшесшвовавшя появлению грозныхѣ завоевателей. Порочносшь нравовѣ досшигла бы высочайшей спешени вѣ сіи времена безначалія, и погубила бы Россію на многіе вѣрки, ешлибѣ Вѣра не обуздала дикихѣ спрасшей и когда бы Духовенсшво Россійское явило менѣе швердосши и благолюбія.

Служители Церкви исполняли священные свои обязанности неусыпно и невозбранно, ибо, пользуясь уваженіемъ, особеннымъ покровительствомъ Хановъ, они одни не вѣдали ни налоговъ, ни угнетенія, между шѣмъ, какъ все спенало подвигомъ, какъ самые Князья наши, дошолъ величавые на прешолъ, пылкіе въ подвигахъ рашныхъ, горделивые въ сношеніяхъ съ иноземцами, приняли на себя видъ смиренныхъ даниковъ. По первому зву Хану имъ надлежало опсправляться въ Орду. Пускаясь въ путь, они прогашельно прощались съ семействомъ, народомъ и опечесствомъ, гошвились къ смерти, ибо не знали, гдѣ лягушъ косьми: въ дорогѣ ли опъ холода и голода, или въ самой Ордѣ опъ руки палача? — Такъ было сначала; въ послѣдствіи жъ они добровольно спали бздишь въ Ханскую столицу, гдѣ опкрылось обширное поприще кознямъ, клеветѣ и лести. — И въ сію годину спыда и униженія, Россійскіе Князья пылали прешупнымъ влашлюбіемъ; забывая узы родшва, правила чести, они гошвили другъ другу плаху, пресмыкались у ногъ дикаго Ташарина, уполяли его корышлюбіе богатыми дарами, омоченными пошомъ и слезами подданныхъ, и наносили опечесству новыя раны. — Подкрѣпимъ сіи слова примѣромъ. Георгій, Князь Московскій, золошомъ и лестию успѣвъ задобришь Хана Узбека, выходилъ себѣ ярлыкъ на Великокняжескій прешолъ, занимаемый роднымъ его дядею. Добродѣтельный Михаилъ, не взирая на право спарѣшиншва, опсвященное вѣками, ушвержденное Ханскою грамошою, немедленно успупилъ ему Владиміръ. Но чешлюбивый племянникъ, оплѣпясь первою удачею, хошлѣ и Твери наслѣдшвеннаго Княжесшва Михаилава. Предводительшвуя Монголами, Георгій внесъ огонь и мечъ въ Русскіе предѣлы, и былъ разбишъ, какъ бы въ наказаніе за свои беззаконія. — Не одолѣвъ прошивника оружіемъ, онъ прибѣгнулъ къ средствамъ дѣйшвительнѣй-

шимъ: обнесъ, очернилъ дядю предъ Узбекомъ, представилъ его мяшежникомъ, осправилъ, и наконецъ испорту у Хана повелѣніе, чшобы Михаилъ явился въ Ордѣ къ ошвѣшу. Храбрый Князь Тверской, обожаемый подданными, могъ уклониться ошъ исполненія Узбековой воли и спокойно ожидать врага, опираясь на мечъ, или укрыться въ земляхъ чуждыхъ и такимъ образомъ избѣжашъ сокрушительныхъ ударовъ Ханской злобы. Зная однакоже, чшо Ташары вымещаютъ непокорность Князя на подданныхъ, и чшо ослушаніе наведетъ толпы необузданныхъ хищниковъ на его Княжесшво, Михаилъ пренебрегъ очевидною опасностію, предсшалъ предъ гнѣвнаго Царя, — и, пріявъ вѣнецъ мученическій, искупилъ родину ошъ новаго опустошенія³⁾. — Въ какой Испоріи, кромѣ Римской и Россійской, найдемъ мы много примѣровъ подобнаго великодушія и самоошверженія, подобной безкорыстной любви къ ошечесшву? — Усладительно вспрѣчашъ шакіе виды въ каршинѣ мрачной и ужасной; для друга чшловѣчсшва, для вѣрнаго Россіянина они шо самое, чшо оазы въ знойныхъ степяхъ Африки для ушомленнаго спранника.

Въ семъ очеркѣ пышался я представилъ состояніе Россіи въ первой половинѣ Ташарскаго владычсшва, шо ешъ, сѣ 1224й по 1328й годѣ. Сіе время можешъ бытъ названо порою безмолвнаго, непрекословнаго рабсшва. Иногда, правда, вспыхивалъ пламень мяшежа, возжигаемый власполюбіемъ или ошчаяніемъ, но не во всѣхъ концахъ Россіи и не на-долго: ушѣснишели мгновенно заливали оный Русскою кровію. — Надлежитъ, впрочемъ, замѣшшъ, чшо происки нашихъ Князей въ Ордѣ, борьба Удѣловъ, сколь ни гибельны они были для современниковъ, шпали сшасшливými своими послѣдсшвіями ишшиннымъ благодѣяніемъ для пошомсшва. Постшараемъ об-

3) Ист. Гос. Рос. Т. IV. стр. 187.

яснишь это при бѣгломъ взглядѣ на вшорую половину Ташарскаго владычества, къ коей шеперь и обращаемся.

Древняя столица Боголюбскаго шеряешъ знаменитость; Удѣлы никнушъ болѣе и болѣе, пошепенно ушрачивая и блескъ и могущество: Москва возноситъ гордую главу. Это лучезарное солнце, при восходѣ коего меркнушъ свѣшила ночныя; это многоводная рѣка, поглощающая спруи окрешныхъ ручьевъ. Москва обязана величіемъ счастья своихъ Князей и близорукой Поляшикъ Хановъ; Россія одолжена возшановленіемъ своей самобытности величію Москвы. Объяснимся.

Когда внушреннія смяшенія пошрясли Орду, а роскошь и нѣга пришупили мечъ Ташарскій; когда мановеніе Ханской десницы уже не могло двигашъ безчисленныхъ полчищъ во срѣшеніе супосшашу, — тогда Россіи удобно было опложиться опѣ Царштва Капчакскаго дружнымъ возшаніемъ Князей и народа. Но Власшишели Ординскіе не дремали, видя надѣ собою шучу, гошовую разразиться: они изыскали средство удерживашъ Россію въ предѣлахъ зависимости и вѣдашъ ее мирно. Сіе средство было — раздоръ. — Въ опшращеніе согласія и единодушія между Князьями нашими, Ханы перешали ихъ разбирашъ и мирить; властью своею не прекращали междоусобій, но, напрошивъ шого, спарались по возможности пишашъ, даже возжигашъ оныя. — Чшобы дашъ вѣсѣ этой догадкѣ, приведемъ себѣ на память уловки Орды: вспомнимъ чшо Ханы неоднократно миловали ослушниковъ, даже явныхъ мяшежниковъ, если они были прошивниками или совмѣспниками другихъ Князей, и часто пошупали вопреки собшвеннымъ своимъ грамошамъ, ушверждаая на Великокняжескомъ прешолѣ одного Князя, и возводя на оный другаго. Даже Лѣтописецѣ говоривъ обѣ обыкновеніи Монголовъ сѣяшъ вражду

между Русскими Влaспшпелями⁴⁾. — Сколь ни вѣренъ былъ сей расчешъ по-видимому, сколь ни успѣшно упошреблялся онъ въ нѣкошорыхъ случаяхъ, однако послѣдствія, невыгодныя для порабощеней, свидѣшельствуюшъ его нешочность. Ошъ проницательности хпшраго Ординца укрылось обшояшельство важное, именно то, что борьба Удѣловъ должна же будешъ кончпшься ихъ сляніемъ во-едино или по крайней мѣрѣ перевѣсомъ одного изъ нихъ, слѣдственшо упадкомъ и зависимостію прочпхъ: онъ не предвѣдѣлъ, что шакимъ образомъ возникнешъ въ Россіи Единодержавіе, кошорое дастъ ей силу распоргнушъ поносныя узы. Можешъ бышь время и обшояшельства понудили Хановъ ошсшуппшь ошъ предначертанія: можешъ бышь они первоначально имѣли намѣреніе уравновѣшпвашъ силы нашихъ Князей; какъ бы то ни было, но Ташары, послѣдовавъ правилу: раздоромъ власшвуй! — угошовили свободу Россіи. Еще неблагоразуміе были ихъ дѣйствія, когда они спали вмѣшпвашъ въ Княжескія распри. Прельщаемые покорностію, уклончпвостію и золошомъ Государей Московскихъ, Монголы почти всегда держали ихъ сторону, помогая имъ если не оружіемъ, то по крайней мѣрѣ Ханскимъ словомъ. Слѣдствіемъ сего было то, что Москва подчпнила себѣ другія Княжества, одно за другимъ, и необыкновенно усилилась. — Наконецъ спала повязка съ очей Хановъ: они узрѣли себя на краю бездны, долженствовавшей ихъ поглоспшь. Однако не было возможности смпрпшь кичливую Москву и обрашпшь ее въ первобышное ничшожество. Орда, раздираемая междоусобіями, не могла ошважпшься на рашъ съ могущественнымъ Государемъ Московскимъ, ибо борьба съ двумя неприятелями превышала ея силы. — И видм Ташаръ до времени ошклоняли сію войну: они надѣялись

4) Соф. Врем. Ч. I. стр. 299.

найши въ Князьяхъ Московскихъ вѣрныхъ союзниковъ и усердныхъ сподвижниковъ къ усмиренію собствѣнныхъ возмущеній. Нужно ли сказывать, что и въ сей надеждѣ Ханы обманулись, что есть, что Россія не думала спастъ грудью за утѣснителей? Москва не преславала усиливаться; окрѣплялась и Орда, на-время успокоясь; съ обѣихъ сторонъ готовились къ бою — и часъ его насталъ.

Не сизыя шучи спирающся на безпредѣльныхъ небесахъ: двѣ грозныя рапи сходящся на Куликовъ полъ: Русская съ Великимъ Княземъ Димитріемъ, Ташарская предводимая Мамаемъ. — Стройны, величественны ряды Россіянъ, густы и мрачны полки Монголовъ. Раздается кликъ: „Богъ намъ прибѣжище и сила!“ — и вспыхнулъ бой, какого не бывало у Великихъ Князей Русскихъ отъ начала міра ⁵⁾ Сомнишелемъ успѣхъ битвы: оба воинства необозримы; и что и другое сражаешся съ оспервененіемъ необычайнымъ; прупы Русскіе и Ташарскіе въ равномъ числѣ успиляютъ пространную равнину. Но вошъ Русская засада рѣшаешъ дѣло: свѣжія дружины, ринувшись на Монголовъ, распроиваютъ ихъ полны: онѣ обращаютъ пылъ, бѣгутъ, какъ бы утѣраемыя невидимою Божіею силою ⁶⁾. Самъ Мамай, кипя яростію, спремисся широкимъ пушемъ бѣгшва....

Сія знаменишая побѣда, дославившая Димитрію прозвание Донскаго, не имѣла шѣхъ рѣшительныхъ слѣдствій, какихъ ожидали современники. Правда, она покрыла Россіянъ славою, поселила въ ихъ сердцахъ благородную самонадѣянность, довѣріе къ собствѣннымъ силамъ; но главная цѣль ополченія не была достигнута, ибо Россія осмалась данницею Монголовъ. Провидѣнію угодно было, чтобы цѣпь ея спраданий подъ гне-

5) Соф. Врем. Ч. I. стр. 363.

6) Тамъ же, стр. 364.

помѣ рабства заключилась, сверхъ иныхъ бѣдствій, событіемъ, дошлѣ безпримѣрнымъ, неслышаннымъ: плѣномъ Великаго Князя (1445). — Наконецъ воцарился шопѣ, кому свыше суждено было ухаживать глубокія язвы государственнаго шѣла и укрѣпить его къ перенесенію дальнѣйшихъ золъ, — воцарился Іоаннъ III.

Вторая половина Татарскаго владычества надъ Русью (св 1328й по 1462й годѣ) ознаменована началомъ благодѣтельнаго Единодержавія. — Хотя бремя шягопившее Россію и не облегчилось въ теченіе сего времени; однако Русскій народъ перѣвлѣ не св оное: опѣ шого ли, что освоился св бѣдствіями, или пошому, что уже видѣлв предѣлв мукамъ? — Самый характеръ его нѣкошорымъ образомъ смягчился; низкіе пороки и злодѣянія конечно еще не вывелись, — ибо ржа нравственности опчищается медленно и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельстввахъ; — но современъ Донскаго, Россіянинъ уже не равнодушенъ былъ къ народной чести; въ душу его заронились любовь къ опечеству и безпредѣльная преданность къ Престолу — два прекрасныя качества, возвеличившія, прославившія Россію и составляющія неопшвемлемое достояніе ея сыновъ, основу ихъ доблести.

Чувствительный пошомокъ чашаетъ св благоговѣніемъ страницы Бышописанія, запяшнанныя кровію и слезами предковъ, болѣетъ ихъ бѣдствіями и шраданіями. Да не увлекаетъ онѣ однакожъ симъ искреннимъ участіемъ, да не судитъ пристрастно о противникахъ прародителей, какъ поступали наши Лѣшописцы. Повѣшвуя о нашешви и владычествѣ Монголовъ, они описываютъ всѣ дѣла ихъ самыми черными красками, осыпаютъ ихъ самихъ бранными проименованіями, называютъ народомъ безчеловѣчнымъ, вѣроломнымъ, нечестивымъ и ш. п. Добрымъ Лѣшописцамъ проспи-

шельно, что они судили о народѣ враждебномъ по одной наружности: не войдя въ его положеніе, не вникнувъ въ его образъ мыслей, или — по выраженію Князя Вяземскаго — не покумься съ нимъ совершенно. — Но въ наше время непременно должно выполнишь сіи условія. И пакъ будемъ справедливы къ Татпарамъ. — Не лзя не согласишься въ шомъ, что они при вшорженіяхъ въ Россію предавались неимовѣрной свирѣбности, означая каждый шагъ свой пепелищами и шрупами; однако сія люшость казалась имъ необходимостію, и дѣйствительно предписывалась имъ народнымъ духомъ и благоразуміемъ. Монголы никогда не были бы пакими завоевашелями, какими изображаетъ ихъ Исторія, еслибъ не руководствовались правиломъ: щадить однихъ данниковъ, рабовъ безмолвныхъ, карать прошивниковъ и ослушниковъ, хотя бы безоружныхъ; въ Россіянахъ же они должныствовали видѣть шакой народъ, кошорый покоренъ иноплеменнику шолько въ безсиліи, кошорый можеть быть обузданъ шолько ужасомъ. — Сознаемъ и въ шомъ, что Татпары не были вѣрны въ исполненіи обѣщаній, пакъ, напримѣрѣ, обманули жипелей Ладыжина 7), Москвы 8), и слѣдшвенно, по нынѣшнимъ понятіямъ, поступали вѣроломно, не знали законовъ чести; но не устоять въ словѣ, данномъ непріятелю, почишалось у нихъ ошнюдь не прешупленіемъ, а напрошивъ, дѣяніемъ похвальнымъ, если не великимъ 9). — Мы вольны осуждать сіи правила; порицаніе наше да не коснешся однако же народа, кошорый, слѣдуя онымъ, исполнялъ долгъ свой. — Монголы хошѣли завоеваній прочныхъ въ спранѣ, населенной племенами воиншвенными и спрошпивыми, пошому должны были

7) Ист. Гос. Рос. Т. IV. стр. 15.

8) Тамъ же, Т. V. стр. 85.

9) Тамъ же, Т. IV. стр. 56.

братъ мѣры сильныя, жестокія: эшо извиняешъ ихъ; они во многихъ случаяхъ извѣяляли великодушіе, къ явному вреду своему щадя и опличая прошивника храброго: симъ они снискали право на уваженіе наше.

Въ заключеніе сей спѣшы спѣшу оговорисься. Въ оной принадлежишъ собшвенно мнѣ одно полько изложеніе: быши (факшы) и мысли, касашельно избраннаго мною предмеша, почерпнулъ я изъ швореній незабвеннаго Карамзина и глубокомысленнаго Эверса; раздѣленіе Ташарскаго владычештва на 2 періода заимешовано ошъ Сочинишеля Ишоріи Русскаго народа ¹⁰⁾; мнѣніе же о Монголахъ основываешся на намѣкѣ Г. Булгарина: „И дикій Ташаринъ, исполнявшій свой долгъ по своему понятію о доблести, шакже заслуживаешъ уваженіе“¹¹⁾.

10) Сѣв. Пчел. на 1829. No. 115-й.

11) Сѣв. Пчел. на 1829. No. 130-й.

Das öffentliche Examen im Gymnasium wird am 8ten Julius, Vormittags von 8 bis 12, und Nachmittags von 3 bis 5 Uhr, folgender Gestalt gehalten werden:

In Prima.

Religion: Herr Oberlehrer, Oberpastor und Ritter Dr. Grave. — Griechisch: Herr Oberlehrer v. Freymann. — Mathematik: Herr Oberlehrer Dr. Hausmann. — Latein: Herr Pastor Taubenheim. — Russisch: Herr Rath Swätnoy.

In Secunda.

Deutsche Litteratur: Herr Oberlehrer, Collegienrath Starke. — Lateinisch: Herr Oberlehrer Laurenty. — Russisch: Herr Rath Swätnoy. — Griechisch: Herr Oberlehrer v. Freymann.

In Tertia.

Geschichte: Herr Oberlehrer Laurenty. — Griechisch: der wissenschaftliche Lehrer Herr Knorre. — Mathematik: Herr Oberlehrer Dr. Hausmann. — Lateinisch: der wissenschaftliche Lehrer Herr Kühn.

In Quarta.

Religion: Herr Oberlehrer Pastor Taubenheim. — Lateinisch: der wissenschaftliche Lehrer Herr Kühn. — Arithmetik: Herr Oberlehrer Dr. Hausmann. — Russisch: Herr Rath Swätnoy.

In Quinta.

Deutsche Sprache: Herr Oberlehrer, Collegienrath Starke. — Geschichte: Herr Oberlehrer, Oberpastor und Ritter Dr. Grave. — Griechisch: der wissenschaftliche Lehrer Herr Knorre.

Am folgenden Tage, den 9ten Julius, beginnt der Dimissionsactus mit der Redebehandlung, Vormittags um 10 Uhr, und wird von dem Oberlehrer, Herrn Collegienrath Starke, mit einer Rede: Ueber die Bildung zur Humanität in öffentlichen Unterrichtsanstalten, besonders in Gymnasien, eröffnet werden.

Dann werden folgende Jünglinge, die ihren Gymnasial-Cursus vollendet haben, und zur Universität abgehen, auftreten:

Heinrich Runzler, 19½ Jahr alt, der Medicin Beflissener, spricht lateinisch: Ueber den Wechsel der Schicksale Griechenlands.

Alexander Hartmann, 17 Jahr alt, der Medicin Beflissener, deutsch: Ueber die Hoffnung auf bessere Zeiten.

Eberhard Henke, 19½ Jahr alt, der Medicin Beflissener, russisch: Einige Worte zur Beantwortung der Frage: Wie äußert sich eines Edel denkenden Liebe zum Vaterlande?

Rudolph Gläser, 20 Jahr alt, der Rechte Beflissener, griechisch: Ueber die Festspiele der Griechen und deren Zweck.

Außer diesen werden zur Universität dimittirt:

August Fabricius, 19 Jahr alt, der Rechte Beflissener.

Julius von Vegeſak, 19 Jahr alt, der Cameralwissenschaften Beflissener.

Hierauf wird der Gouvernements-Schul-Director das Wort nehmen, den Abgehenden ihre Zeugnisse der Reife überreichen, sie entlassen, und die Versezungen in höhere Classen bekannt machen; zuletzt wird der Primaner, Friedrich Wilhelm Klau, im Namen seiner Mitschüler, von den Scheidenden Abschied nehmen, und der geehrten Versammlung für die geschenkte Theilnahme ehrerbietigen Dank abstatten.

In der ersten Kreis- oder Dom-Schule wird die Prüfung am 10ten Julius, Morgens um 9 Uhr, in folgender Ordnung gehalten werden:

Prima.

Religion: Herr Candidat Möller. — Russisch: Herr Rath Lysarch, gen. Königl. — Lateinisch: Herr Inspector, Rath Förster. — Physik: Herr Rath Schidun. — Griechisch: Herr Insp., Dr. Förster.

Secunda.

Deutsche Sprache: Herr Pastor Hartmann. — Geometrie: Herr Rath Schibun. —
Geschichte: Herr Candidat Möller.

Tertia.

Naturgeschichte: Herr Pastor Hartmann. — Deutsche Sprache: Herr Dr. Förster.
In jeder Classe werden die Censurzeugnisse öffentlich verlesen, und den Schülern ausge-
theilt werden.

Am 11ten Julius, von Morgens 9 Uhr an, wird das Examen in der zweiten Kreis-
schule in nachstehender Ordnung gehalten werden:

Religion in allen Classen: Herr Inspector, Rath Voigt.

Handels-Classe.

Französisch: Herr Rath Köse. — Russisch: Herr Coll.-Secr. Meshinzow.

Obere Classe.

Geometrie: Herr Insp., Rath Voigt. — Geographie: Herr Schwach. — Na-
turgeschichte und Technologie: Herr Rath Köse.

Untere Classe.

Russisch: Herr Coll.-Secr. Meshinzow. — Deutsche Sprache: Herr Schwach.
Zum Schlusse werden die Censuren verlesen und die Zeugnisse ausgetheilt werden.

Am Nachmittage desselben Tages, von 3 Uhr an, wird die Prüfung in der russischen
Kreisschule oder dem Katharinäum statt haben, und zwar:

Religion in beiden Classen: Herr Priester Fassanow.

Obere Classe.

Geometrie: Herr Inspector, Rath Tweritinow. — Deutsch: Herr Gouv.-Secr.
Berner. — Russische Sprache: Herr Priester Fassanow.

Untere Classe.

Geschichte und Geographie: Herr Inspector, Rath Tweritinow. — Russische
Sprache: Herr Priester Fassanow. — Deutsch: Herr Gouv.-Secr. Berner.
Am Schlusse werden die Censurzeugnisse verlesen und vertheilt.

Se. Excellenz, der Herr Kriegs-Gouverneur von Riga, General-Gouverneur von Liv-,
Ehst- und Kurland, Curator des Dörptchen Lehrbezirks, General-Lieutenant und mehrerer
hohen Orden Ritter Baron von der Pahlen, Se. Excellenz, der Herr Civil-Gouverneur
von Livland, wirklicher Staatsrath und Ritter von Fölckerfahm, Se. Hochwohlgeboren,
der Herr Vice-Gouverneur, Coll.-Rath und Ritter Dr. von Cube, Se. Magnificenz, der Herr
General-Superintendent von Livland und geistliche Präses des Kaiserl. Ober-Consistoriums,
Dr. Berg, Se. Hochwohlgeboren, der Herr Delegirte der Schul-Commission der Kaiserl. Uni-
versität Dorpat, Hofrath und Professor, Dr. Friedländer, sämmtliche Behörden des Landes
und der Stadt, insonderheit Ein Hochedler und Hochweiser Rath der Stadt Riga, die Hochehr-
würdige Geistlichkeit aller Confessionen, die Aeltern der Schüler, alle Freunde der Jugendbildung
und Gönner der Schulanstalten — werden hiedurch ehrfurchtsvoll und ehrerbietigst eingeladen,
diese Schulfeierlichkeit mit Ihrer Gegenwart hochgeneigtest und gütigst zu beehren.

TBU Raamatukogu